

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

Выпуск XXXII

В ПОИСКАХ СМЫСЛОВ ЯЗЫКА

**Сборник научных трудов
в честь 90-летия Е.С. Кубряковой**

Москва-Тамбов
2018

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для публикации результатов диссертаций.
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге ОАО «Роспечать» на 2018 год, стр. 121.

Редакционная коллегия:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор серии);
Демьянков В. З., доктор филологических наук, профессор (науч. редактор выпуска);
Ирисханова О.К., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Новодранова В.Ф., доктор филологических наук, профессор;
Позднякова Е.М., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Гольдберг В.Б., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Кюссе М.И., доктор филологических наук, доцент (отв. секретарь выпуска);
Петрова Н.Ю., кандидат филологических наук, доцент (редактор английских текстов);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь серии)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев ;
К57 М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М.: Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2008–
ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. XXXII: В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия
Е.С. Кубряковой / отв. ред. выпуска О.К. Ирисханова. – 2018 – 651 с.
ISBN 978-5-00078-195-1

Настоящий сборник посвящен памяти Е.С. Кубряковой, с чьим именем связано становление отечественной когнитивной лингвистики. Е.С. Кубрякова была крупнейшим ученым во многих областях лингвистического знания: в словообразовании и ономастологии, языковой концептуализации и категоризации, когнитивных исследованиях семантики и дискурса.

В сборнике представлены статьи учеников и коллег Е.С. Кубряковой, которые, следуя принципам антропоцентризма и междисциплинарности, продолжают развивать идеи, выдвинутые в трудах известного когнитолога.

Книга адресована широкому кругу специалистов в области когнитивной лингвистики, теории номинации, дискурсивных исследований, теории языка.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-00078-195-1 (Вып. XXXII) © ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2018
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2018

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
TAMBOV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

VOLUME XXXII

SEARCHING FOR MEANING
IN LANGUAGE

Collection of papers

In memory of Doctor of Philology,
Professor Elena S. Kubryakova
on the occasion of her 90th birthday

Moscow-Tambov
2018

SEARCHING FOR MEANING IN LANGUAGE

*In memory of Professor
Elena Samoïlovna Kubryakova*

Moscow – Tambov
2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 16

I. О СУЩНОСТИ ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ПОДХОДОВ

<i>Александрова О.В.</i> Изучение языка в новых условиях знания о нем и его функционировании	20
<i>Болдырев Н.Н.</i> Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания	26
<i>Бочавер С.Ю., Феценко В.В.</i> Перевод и трансфер как две лингвистические, культурологические и когнитивные процедуры	36
<i>Вдовиченко А.В.</i> Предикация в логико-грамматической и коммуникативной интерпретации	47
<i>Голубкова Е.Е.</i> Междисциплинарность корпусно-когнитивных исследований	56
<i>Демьянков В.З.</i> Лингвистическая теория: теория языка и теория лингвистики	63
<i>Заботкина В.И.</i> Когнитивно-дискурсивная парадигма в отечественной лингвистике: сегодня и завтра	84
<i>Манаенко Г.Н.</i> Ориентирующая функция языка и со-знание	91
<i>Постовалова В.И.</i> Язык как духовная реальность (пневматологический подход в гуманитарном познании)	102
<i>Рябцева Н.К.</i> Язык и метазнание: когнитивно-дискурсивный аспект	110

II. ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

<i>Андреева С.Л.</i> Пропозиционально-фреймовый анализ лексико-словообразовательных гнезд при описании культурных концептов	118
<i>Араева Л.И., Ли С.И.</i> Пропозициональное моделирование языковой картины мира (на материале разноструктурных языков)	126
<i>Богданова С.Ю.</i> Пространственная концептуализация опыта (на материале фразовых глаголов с глагольными компонентами CLOSE и SHUT)	133
<i>Демидова Е.Б., Мартыненко Ю.Б., Николаева Н.В.</i> О некоторых особенностях деривации оценочных слов в русском языке (на примере существительных со значением лица)	141
<i>Дюжикова Е.А.</i> Моделирование как когнитивная основа инференции англоязычных аббревиатур компьютерных и телекоммуникационных терминов	148

- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010б.
- Рябцева Н.К. Теория и практика перевода: Когнитивный аспект // Перевод и коммуникация. М.: ИЯ РАН, 1997. С. 42-63.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
- Сорокин Ю.А. Что мы делаем, когда переводим художественный текст? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 1. С. 44-48.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 1998.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
- Cognitive Linguistics and Translation. Advances in Some Theoretical Models and Applications. Berlin: Mouton de Gruyter, 2016.
- Espagne M. L'histoire de l'art comme transfert culturel. L'itineraire d'Anton Springer. Paris: Belin, 2009.
- Espagne M. La notion de transfert culturel // *Revue Sciences/Lettres* [Online], 2013, 1. URL: <http://rsl.revues.org/219>.
- Espagne M. *Les Transferts culturels franco-allemands*. Paris: Puf, 1999.
- Even-Zohar I. Translation Theory Today: A Call for Transfer Theory // *Poetics Today*, Vol. 2, No.4, 1981 (Translation Theory and Intercultural Relations). P. 1-7
- Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces. Department of Cognitive Science University of California, San Diego La Jolla, California, 1994.
- Hall E.T. *The Silent Language*. New York: Doubleday, 1959.
- Moser W. Pour une grammaire du concept de «transfert» appliqué au culturel // *Transfert. Exploration d'un champ conceptuel*. Ottawa: University of Ottawa Press, 2014. С. 49-75.
- Nida E.A. *Toward a Science of Translating with Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: Brill, 1964.
- The Trans/National Study of Culture: A Translational Perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2016.
- Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand. Textes réunis et présentés par M. Espagne et M. Werner*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1988.
- Weinreich U. *Languages in Contact. Findings and Problems*. NY: Linguistic Circle, 1953.

Svetlana Yu. Bochaver, Vladimir V. Feschenko
(Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

TRANSLATION AND TRANSFER AS TWO LINGUISTIC, CULTURAL, AND COGNITIVE PROCEDURES

The paper analyzes the translation theories created in structuralism, cross-cultural studies, semiotics in comparison with cultural transfer theory. It shows how translation is conceptualized in different theoretical approaches, how the conception of translation changes, and what cognitive operations correspond to translation and transfer.

Key words: translation, transfer, cognitive operations, communication.

А.В. Вдовиченко (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
anlydo@mail.ru

ПРЕДИКАЦИЯ В ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Логико-грамматическая интерпретация вербального факта радикально отлична от его коммуникативной интерпретации. Первая исходит из мыслесловной (или знако-значенческой) установки, постулирующей существование общих для пользователей знаков и их (само)организацию в виде «языка». Вторая предполагает, что актуальное смыслообразование в вербальных структурах невозможно вне коммуникативных (определенных и заданных говорящим) параметров личного действия. Понимаются не знаки и «язык», а личное коммуникативное (семиотическое) действие. Более эффективная модель естественного говорения (предикации) строится не как констатация фактов или высказывание мыслей «языком», а как семиотический поступок, совершаемый с целью изменения коммуникативного пространства и интерпретируемый как таковой.

Ключевые слова: предикация, логико-грамматическая и коммуникативная интерпретация вербальных фактов, личное действие, мыслимые параметры коммуникации.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН.

Коммуникативная (она же в существенных чертах когнитивная) интерпретация естественных вербальных данных заметно отличается от их логико-грамматической интерпретации. Если специфику лингвистического объекта видеть в «словесности» и определять этот объект как *все то, что говорится* (сказывается, предидируется), то порождение смысла, всегда присутствующее как целевая причина «сказуемого» («сказывания» чего бы то ни было), неизбежно отсылает либо к системе единиц (то есть грамматике и словарию, которые вместе образуют автономную систему правил, организующую весь вербальный материал в целостный смыслопорождающий «язык»), либо к стихии коммуникации (которая состоит из огромного числа навыков совершать семиотические вербальные действия и которая подвергается теоретической систематизации, в том числе, для создания вспомогательной грамматики «языка»).

Терминологические различия между пониманием «сказуемого» в рамках двух обозначенных подходов проявляют себя вполне отчетливо. Следует, скорее, говорить о двух разных «сказуемых». Суть *логико-грамматического* предиката коренится в спонтанной, еще аристотелевской, уверенности, что отношение мысли и высказывания можно признать фактическим тождеством (О софистических опровержениях, IV, 10; тж. у Платона, Софист 263e); что за определенным набором вещей (явлений) закреплен столь же определенный набор номинативных слов (Об истолковании, 16a); а, кроме того, что любому грамматическому подлежащему (из набора слов-сущностей) соответствует строгий список «правильных» (возможных) сказуемых, каждое из которых соответствует одному из сущностных признаков подлежащего (Метафизика XIII, 4; 1078b) [Вдовиченко 2008].

Совершенно иным (и более реалистичным) представляется *коммуникативный* взгляд на «все, что говорится», при котором «сказуемым» (предикатом) становится не часть говоримого (как у Аристотеля), а *все, что осознанно произносится (пишется)*. Согласно коммуникативному подходу, вербальная коммуникация представляет собой частный случай семиотической деятельности, которая может осуществляться как с участием, так и без участия вербальных единиц. Ввиду этого все естественные вербальные факты являются действиями в коммуникативном пространстве (и, соответственно, связаны с мыслью, предшествующей действию, весьма опосредовано). Определенность и обособленность «вещи» или «явления» возникает только в результате деятельности сознания. Тем более, в случае любого коммуни-

кативного процесса, предполагающего выход за пределы индивидуального сознания, вовлеченные в коммуникацию мыслимые вещи или явления не могут быть идентифицированы иным способом, кроме как восхождением к индивидуальному процессу «назначения вещи (явления)». Соответственно, о закреплённости слов за феноменами не может быть и речи. В связи с этим нужно признать, что реальность такова, что сознание вполне свободно не только в назначении аристотелевских «сказуемых», но и в выделении, выборе, группировании и связывании самих «подлежащих» [Вдовиченко 2016].

Иначе говоря, если с грамматической точки зрения естественным объектом лингвистического исследования являются обладающие значениями слова (которыми «говорят говорящие») и их синтаксические отношения, то коммуникативная точка зрения констатирует, что самождественных автономных слов, которые обладали бы значениями, просто нет. Эти автономные единицы невозможно идентифицировать и понимать вне личных когнитивных и коммуникативных процедур. Такой подход выдвигает более сложный объект, вместо аристотелевского языкового, – коммуникативную ситуацию, в которой говорящие совершают коммуникативные поступки («говорят коммуникативными синтагмами»), то есть *совершают действия* в коммуникативном пространстве с участием (или без) слов, которые, в свою очередь, «наполняются» говорящим, и затем адресатом, и которым в процессе интерсубъектного взаимодействия «приписываются» («назначаются») значения. *Личные семиотические действия можно интерпретировать и понимать, в отличие от «единиц безличного языка», которые невозможно понимать и интерпретировать.* Вместо мыслимого тождества самих слов коммуникация констатирует очевидную нетождественность автономных слов, то есть необходимость признать, что актуальное смыслообразование в вербальных структурах невозможно вне коммуникативных (определённых и заданных говорящим) параметров личного действия. Поэтому реализоваться и пониматься в тождестве могут только комплексы этих параметров и произведенные в их рамках коммуникативно-синтаксические действия (коммуникативные синтагмы).

Закономерным образом коммуникативная интерпретация выдвигает несколько значимых особенностей понимания «сказуемости», осознаваемых на фоне прежнего, языкового, ее понимания.

1. Если аристотелевское *грамматическое сказуемое* «сказывается» о подлежащем (притом что то и другое выражено словом или мо-

жет быть выражено словом), то коммуникативным *подлежащим*, скорее, следует считать всю помысленную (параметрированную) ситуацию вербального акта, в которой говорящий (пишущий) принял решение действовать определенным образом. В свою очередь, коммуникативным *сказуемым* является *все сказанное*, включая «грамматическое подлежащее», выделенное («назначенное») и названное говорящим/пишущим в ходе личной когнитивной процедуры параметрирования коммуникативного пространства в настоящий момент.

2. Смысл коммуникативного подхода к вербальной форме, обладающей актуальной «сказуемостью», как видно, сводится к тому, что от автономного (не вовлеченного в конкретную коммуникативную синтагму) высказывания *невозможно ожидать фиксированного однозначного соответствия «знак—значение»*; одни и те же предметные знаки не гарантируют смыслового тождества — они могут означать разное для различных носителей (или пользователей) одного и того же «языка»; не существует автономных фиксированных референций единиц «языка» (что доказал, например, Х. Патнэм в своей известной теореме) [Лакофф 2004: 330]. При абстрагировании от конкретной коммуникативной процедуры любой лингвистический материал способен приобретать множественные значения, даже если речь идет об одном и том же классе («значении»), но при этом разных его представителях (например, единым словом «стол» называются *разные* столы; единое имя «Сергей» носит множество людей, но это не препятствует пониманию в каждом конкретном случае).

3. Признание самой возможности множественной референции (когда одно и то же слово может означать разное) ничего не говорит о *естественном* вербальном факте, а, скорее, обнаруживает ущербность логико-грамматического (освобожденного от говорящего, сосредоточенного на форме, *искусственного* в своих основаниях) подхода: естественным условием существования вербального факта является конкретное коммуникативное действие (семиотический поступок, или комплекс мыслимых параметров коммуникативного воздействия), в то время как логико-грамматический подход принципиально игнорирует этот неязыковой элемент предикации. Иными словами, естественные вербальные факты *всегда порождаются и понимаются в конкретно мыслимых условиях* совершения коммуникативных действий (подобно тому, как открывать дверь ключом можно только в том случае, если действующий субъект осознает перед собой дверь и держит в руках

ключ) и не существуют в тождестве вне конкретно и лично мыслимых параметров действия.

4. Смыслообразование в логико-грамматической парадигме интерпретируется как функция входящих в состав высказывания терминов, в то время как в естественном (коммуникативном) состоянии порождаемый *смысл есть функция комплексной ситуации коммуникативного действия*, отношение действия говорящего к мыслимым условиям, параметрированным им самим, адресатом и/или вторичным интерпретантом (так, высказывание «скоро будет ночь» понимается только как часть конкретной коммуникативной синтагмы и может быть оценено, в том числе «верифицировано», *только как действие говорящего*; то же в случае любых других высказываний, в том числе «Земля имеет форму шара» и «Земля не имеет формы шара»). Иными словами, пониматься и интерпретироваться (смыслообразовывать) могут только личные коммуникативные поступки, а не языковые формы и формулы.

5. Зачастую встречающееся игнорирование коммуникативного аспекта и свойственной высказыванию акциональности («действенности») дает словесной форме неоправданную автономию (которая как раз и грозит патнэмовской множественной референцией) [Макеева 1996: 57]. *Абстрактный говорящий в логико-грамматическом мире «говорит словами», в то время как естественный коммуникант «говорит коммуникативными синтагмами», в которые слова входят как подчиненные интерпретируемые элементы, наряду с другими знаками.* Главным искомым в интерпретации является личный семиотический поступок, произведенный с использованием всегда нескольких каналов коммуникации.

Поскольку в логико-грамматическом пространстве смыслообразование определяется как функция самих вербальных форм, к словам и составленным из них высказываниям, мнимо самозначным и автономным, предъявляется требование быть автореферентными и по мере того смыслообразующими. Однако тождественное смыслообразование объяснить таким образом невозможно. Так, например, понять, оценить и верифицировать простейшее высказывание «Скоро будет ночь» нельзя в логико-грамматическом измерении, то есть вне конкретных условий произнесения этих слов действующим коммуникантом.

6. Требование производить смыслообразование невозможно адресовать логико-грамматическому языку, поскольку в нем принципиально отсутствует личность говорящего (пишущего) как источник мысли, чувства, эмоции и пр., – всего того, что является точкой отсчета и отправным пунктом возникновения любого смысла. Эту задачу – производить смыслообразование – может исполнить только личный коммуникативный процесс, который порождается коммуникантом и понимается адресатом или вторичным наблюдателем. В естественной коммуникативной реальности *интерпретируются не слова, а действия говорящего*, который преследует определенные тождественные для себя цели. Так, например, любое грамматическое «подлежащее» является результатом личного когнитивного процесса: оно кем-то помыслено, выделено, признано актуальным, вовлечено в коммуникативную интеракцию и пр. Вне восхождения к когнитивному состоянию автора высказывания грамматическое «подлежащее» невозможно идентифицировать.

Процедура интерпретации логико-грамматической предикации, сосредоточенная на словах, неизбежно сталкивается с проблемой нетождественной референции [Putnam 1981: 33], в то время как коммуникативная интерпретация предикации (естественного говорения) сосредоточена на поступке говорящего. Такая интерпретация охватывает гораздо более обширные и специализированные (приуроченные к личному когнитивному состоянию) комплексы данных, значимых для обретения смысла в конкретном вербальном действии.

7. Проблема предикации в виде нетождественной референции, отсутствия источника смыслообразования и пр. возникает только в пространстве логико-грамматической теории, а в естественном коммуникативном процессе не проявляет себя столь отчетливо. Вводимая логико-грамматической интерпретацией возможность множественной референции (и сопутствующая этому смыслоформальная нетождественность любого элемента, в том числе слова) фактически отрицает «язык» как эффективный инструмент объяснения смыслообразования в естественной речи (письме). *Естественная предикация не схватывается логико-грамматическими инструментами* и нуждается в коммуникативных.

8. Требование вывести предикацию за пределы вербальных форм, из логико-грамматического в коммуникативное пространство, означает *расширение понятия лингвистической предикации*, то есть того, что

действительно «сказывается» в процессе естественного вербального поступка (что соответствует экспансионизму современной лингвистической парадигмы, акцентированному Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1995: 208]). Если логико-грамматический предикат «говорится» о подлежащем (об эксплицитном или воссозданном субъекте предложения) и интерпретируется как приписываемое ему свойство, то коммуникативный предикат есть, скорее, экспликация поведения говорящего/пишущего (с дальнейшей оценкой его действия). При этом в область сказуемого при коммуникативной трактовке попадает и само аристотелевское «подлежащее», поскольку вербальные элементы коммуникативного действия все без исключения встроены в реализуемую коммуникативную синтагму, представляя собой новый «признак» мыслимой ситуации, в которой действует не аристотелевское подлежащее, а сам коммуникант. Говорящий не только предлагает нечто об аристотелевском «подлежащем», но и назначает само подлежащее, выделяя его из возможных объектов, формируя и группируя их, признавая актуальность именно таких объектов.

9. В коммуникативной реальности тождественную интерпретацию фиксирует автор высказывания фактом своего разумного целеположенного участия в ситуации, в то время как логико-грамматическая интерпретация рассматривает связь между словом и значением как не опосредованную никем. Вследствие этого «сидящая на коврике кошка» (введенная некогда Остином [Остин 1999: 85]) может становиться «висящей на дереве вишней» (как это продемонстрировал Патнэм [Лаккофф 2004: 330 и дал.]), если вдруг интерпретируется кем-то в неактуальных (не совпадающих с аутентично мыслимыми) условиях говорения [Вдовиченко 2008: 390-441]. В коммуникативной реальности наступление такой ситуации подвластно говорящему, который отслеживает возможности и перспективы принятых решений произвести нужное ему воздействие. Если аристотелевский субъект («подлежащее») предложения существует сам по себе, как общезначимое «одинаково мыслимое» слово (напр., «кошки» и «вишни»), и может сам по себе оказываться в «референтно нефиксированных» обстоятельствах, то коммуникативный субъект не имеет такой автономии, будучи всецело определенным целями и намерениями говорящего/пишущего, производящего запланированное действие и заботящегося о результате. Иными словами, процесс смыслообразования с участием вербальных форм не является хаотичным и автономным («действуют не сами сло-

ва)), а управляется говорящим («действует говорящий») и интерпретируется в связи с возможными когнитивными процессами в его сознании как его поступок. Вербальная форма не независима от конкретной осмысленной коммуникантом ситуации взаимодействия.

Нужно заметить, что расширение понимания лингвистической предикативности в направлении коммуникации наметилось наиболее определенно уже в концепции актуального членения предложения, то есть учения о теме и реме. Признание за аристотелевским грамматическим предикатом («сказуемым») возможности исполнять роль субъекта («подлежащего»), и наоборот, возможности грамматическим подлежащим исполнять роль сказуемого, – фактически означало отказ от жесткой обусловленности естественного высказывания классической вербальной конструкцией суждения, признание приоритета актуальной коммуникативной предикации над логико-грамматической, главенство коммуникативного синтаксиса над классическим, вербально представленным. Однако концепция актуального членения сохранила классическую связь с вербальной знаковостью («и тема, и рема представлены вербально», невербальные пресуппозиции, особенности «конситуации» – всего лишь частные случаи грамматической теории), а, кроме того, осталась (в том числе благодаря предметно-знаковой ориентированности) неспособной концептуализовать «сказуемость» таких вербальных действий, как вопрос, императив, восклицание и более сложных случаев модальностей, в которых оказывается «пропозициональное содержание». Фактически, тема-рематическая трактовка высказывания так и не вышла за пределы утвердительного (отрицательного) предложения ввиду прежнего аристотелевского понимания предикации как констатации некоего признака подлежащего: когда говорящий не указывает подлежащее среди произнесенных слов (как в неполных предложениях) или когда вообще не знает подлежащего (как в вопросе) или когда вообще ничего не констатирует, кроме собственной эмоции (как в восклицании), или когда побуждает к действию без какого-либо подлежащего (как в императиве) и пр., то логико-грамматическая субъектно-предикатная конструкция отсутствует, и тогда вообще не ясно, зачем и о чем говорящий говорит. Тогда к грамматической предикации возникает вопрос, есть ли вообще в таких высказываниях «сказуемость», если то, что «подлежит высказыванию», отсутствует? Не случайно учение о теме и реме не продвигается далее тако-

го «высказывания», под которым понимается повествовательное предложение, двойник суждения.

Совершенно отличной от логико-грамматической оказывается коммуникативная трактовка предикации, в которой любые (в том числе утвердительные/отрицательные) высказывания принципиально едины как *коммуникативные действия говорящего (пишущего)*, определившего и достигающего свои цели посредством императивов, вопросов, восклицаний, констатаций создаваемых фактов и пр. Говорящий не высказывает свои мысли (которые, заметим, локализируются на довербальной стадии планирования действий, в том числе вербальных, и сами не могут быть акциональными), он не констатирует якобы существующие факты, а посредством семиотических поступков всегда пытается изменить когнитивное состояние мыслимого адресата. Только в этих целях семиотические действия (в том числе вербальные) имеют целевую причину.

Литература

Вдовиченко А.В. Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, 2008.

Вдовиченко А.В. О несамостоятельности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. №6. С. 164-175.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. Под ред. акад. Ю.С. Степанова. М.: РГГУ, 1995. С. 144-238.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: ЯСК, 2004.

Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. М.: ИФРАН, 1996.

Остин Дж. Избранное / пер. с англ. В.П. Руднева. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Andrey V. Vdovichenko (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

PREDICATION IN LOGICAL-GRAMMATICAL AND COMMUNICATIVE INTERPRETATION

Logical-grammatical interpretation of a verbal fact considerably differs from its communicative interpretation. The first proceeds from the unity of thought and word that postulates the existence of signs common for users, and the self-organization of signs in 'language'. The second assumes that the process of producing sense in verbal forms is impossible without the communicative parameters of a personal act. What can be understood is a personal communicative (semiotic) action, not signs and language. The author argues that modeling natural speech process (predication) as a semiotic act produced for the purpose of changing (influencing) the communicative space is more effective than modeling it as the process of ascertaining facts or uttering thoughts.

Key words: predication, logical-grammatical and communicative interpretation of verbal facts, personal action, conceived parameters of communication.

Е.Е. Голубкова (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
katemg@yandex.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КОРПУСНО-КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена обзору современных работ, выполненных в русле корпусно-когнитивной парадигмы лингвистических исследований, которые характеризуются внутренней и внешней междисциплинарностью. Отмечается, что инкорпорирование корпуса в когнитивно-лингвистические исследования привело к выработке новых методологий и инновационному решению краеугольных проблем лингвистики, выводя ее на качественно иной уровень взаимодействия лингвистов с исследуемым материалом.

Ключевые слова: корпус, когнитивная лингвистика, междисциплинарность, экспланаторность, концептуальные структуры.

Лингвистика <...> может и должна поставлять другим наукам необходимые для них сведения о языке и вступать с этой целью в союз с разными науками, но только не ценой потери собственной самостоятельности!

(Е.С. Кубрякова)

Как отмечала в своих работах основоположник когнитивно-дискурсивного направления в современной лингвистике Е.С. Кубрякова, междисциплинарность современной лингвистики закономерным образом связана со сложностью языка как объекта исследования. Когнитивная лингвистика (КЛ) ориентирована на познание языка в двух его основных функциях: как способа репрезентации окружающего мира и как средства доступа к «тайнам мыслительных процессов» [Кубрякова 2012: 26]. В каких бы ипостасях не предстоит изучать язык, пишет далее автор, «величайшей ценностью останутся для нас сами эмпирические сведения о языках и отдельно взятом языке, а следовательно и задачи разработки адекватных средств и способов его описания» [Кубрякова 2012: 26].

Развитие современных лингвокогнитивных исследований идет по пути, предсказанном выдающимся ученым: происходит привлечение обширного эмпирического материала, черпаемого из лингвистических корпусов, в исследования языка. Речь идет не о простом сложении существующих методов, а об их интеграции с целью выработки принципиально новой методологии. По наблюдениям Л. Янды, приблизительно с 2008 года так называемый «квантитативный анализ» становится общепринятым на страницах когнитивных лингвистических журналов [Janda 2013]. Проанализированные нами работы с корпусно-когнитивных конгрессов, конференций по мультимодальному дискурсу, монографий последних лет в отечественной лингвистике позволяют утверждать, что интегрирование корпусной методологии в когнитивную лингвистику служит своеобразным катализатором усиления междисциплинарных связей когнитивной лингвистики [Corpus 2013; Corpus 2015; Голубкова 2015]. Оно способствует укреплению позиций когнитивного лингвистического направления, так как позволяет ему вырваться из оков интроспекции, верифицировать гипотезы, выявить тенденции развития языка, предложить решение «старых проблем» новыми способами и найти практическое применение своим разработкам.

В данной статье мы хотели бы показать на примерах положительные стороны подобного сотрудничества КЛ, корпусных методов и всех